

Я никогда не чувствовал себя более одиноким или более одиноким, сидя там, с напряженной спиной, наблюдая, как завершается танец цыплят, и зная, без сомнения, что следующим будет "Хоки-поки". Так всегда бывает на свадьбах.

Я знал, что это будет ошибкой, но когда твой внук просит тебя прийти на его свадьбу, что ты можешь поделать? Он так мило стоял там, совсем взрослый.

"Пожалуйста, бабушка Торри", - сказал он, держа меня за руку, - "Я знаю, что моя сестра все еще злится, но, пожалуйста, приходи".

И я согласилась, вопреки своему здравому смыслу. И вот теперь я здесь, зная, что мое решение было правильным.

Я вдова больного Альцгеймером. И, насколько известно большинству членов моей семьи, злая бабушка Торри или злая тетя Торри, в зависимости от вашего отношения ко мне, бросила любимого дядю (или дедушку) Честера в отвратительный старый дом.

Они не могли понять, не могли знать, насколько все было плохо в конце. Он больше не узнавал меня и стал злым. Я слишком часто носила длинные рукава и сильно красилась, чтобы скрыть синяки, которые он оставлял. А в последний раз, когда мне сломали руку, это было уже слишком, и я заставила его уйти.

И вот я сидела одна, наблюдая за танцующими и пытаюсь понять, как быстро я смогу оправдаться перед Бенджамином, единственным в здании, кто, казалось, был искренне рад меня видеть, и сбежать.

Мои глаза были прикованы к солисту группы, когда "он" переместился в поле моего зрения. Он просто стоял там, улыбаясь полуулыбкой, с протянутой рукой. Хоки-поки затихала, а он все еще был там.

Я поднял на него глаза, гадая, в чем дело. Но он не двигался, просто стоял там, протянув руку, явно предлагая ее мне.

Я ждала, а он не двигался. Он молчал. Он ждал, и казалось, что он может ждать вечно.

Тогда я сдалась, поставила свой напиток, который держала как щит, и взяла его за руку.

Он помог мне встать на ноги, а затем повел на танцпол. Группа исполняла проходную композицию Элвиса Пресли "Голубые Гавайи", глупости YMCA уже закончились, и он положил руку мне на талию, очень формально, взял мою правую руку в свою левую, застыл в такт, а затем пустился в пляс.

И он был хорошим танцором. Он не пытался танцевать модный бальный вальс, но его простой коробочный шаг был в ритме, и его руки не блуждали. Это было приятно.

Когда музыка закончилась, я начала отворачиваться, но он держал меня за руку, не отпуская. Когда солист начал очень хорошо имитировать Билла Медли, исполняющего "Unchained Melody", мы пустились в новый танец. И все равно он не сказал мне ни слова.

Музыка снова закончилась, и на этот раз он повел меня обратно к моему столику, моему одинокому столику. Но он не предложил мне помочь сесть. Вместо этого он потянулся вниз, взял мою сумочку и, наконец, заговорил.

"Пойдемте, - сказал он, его голос был очень приятным баритоном, звучащим почти слишком старо для его молодого лица, - я помогу вам сбежать. Давай найдем Бена (а слышать сокращенное имя Бенджамина мне показалось странным), оправдаемся и уберемся отсюда".

Наконец, имя пришло ко мне. Он был одним из женихов Бенджамина, и я знала его с тех пор, как он был еще маленьким мальчиком.

"Роджер, спасибо, - сказала я, - но я не хочу отрывать тебя от вечеринки".

Его смех был полным и искренним и заставил меня впервые за этот вечер улыбнуться.

"О, миссис Морган, - сказал он, - если бы я хотел остаться, чего я не хочу, но если бы я хотел остаться, я бы не остался, потому что я, только на одну ночь, ваш сэр Галахад, а вы, дорогая леди, - и тут он взял мою руку, поднес ее к губам и нежно поцеловал, прежде чем отпустить, - нуждаетесь в спасении. А теперь пойдемте, - закончил он, взял меня за руку и осторожно потянул к узлу людей, собравшихся вокруг молодых жениха и невесты.

Разговор затих, когда мы двинулись к паре, заставив меня еще больше осознать, насколько я был изолирован в этой компании.

"Бен, - сказал Роджер своим сильным голосом, - еще раз поздравляю", - и он заключил моего внука в крепкие медвежьи объятия.

"И Бонни", - он отпустил Бенджамина и повернулся к невесте, абсолютно сияющей в белом, - "ты выбрала правильную", - и он поцеловал ее, немного глубже, чем я думала, было уместно, но Бенджамин, казалось, не возражал и взял меня за руку.

"Спасибо, бабушка Торри", - сказал он, глядя мне в глаза. "Я знаю, что это было немного грубо, и мне жаль, но я действительно", - и он, казалось, немного прослезился, - "действительно рад, что ты пришла". Он обнял меня и нежно поцеловал.

"Поздравляю, дорогая", - сказал я и повернулся к невесте.

"Ты, моя дорогая, - сказал я, - будь очень добра к моему любимому внуку", - и нежно поцеловал ее в щеку.

"ХВАТИТ!" громко сказал Роджер, - "давай, давай, красавица", - сказал он, взял меня за руку и направился к двери, - "давай уйдем отсюда".

И мы ушли. Он был молод и силен, и он был силой природы, когда вел меня сквозь толпу к гардеробной, где я нашла свою старую глупую норку, которую я надела как часть моей "униформы" этой ночи.

На парковке у зала приемов он спросил, есть ли у меня здесь машина. Я сказала ему "нет", он улыбнулся, сказал "хорошо" и подвел меня к своей машине, маленький синий PT cruiser кабриолет был таким милым, что заставил меня немного хихикать, он открыл дверь и держал меня за руку, пока я устраивалась на ковшеобразном сиденье.

Когда он сел, то повернулся и спросил: "Хочешь выпить или что-нибудь еще, или ты просто хочешь поехать домой и попытаться забыть этот день?".

Мне пришлось задуматься на минуту, прежде чем ответить.

"Думаю, я бы хотела выпить, дорогой, перед тем как идти домой", - сказала я.

Он усмехнулся, сверкнув мальчишеской ухмылкой, которая заставила меня подумать, что он, возможно, тренировался в этом перед зеркалом.

"Ты не похожа на девушку с пивом, - сказал он, - может быть, мартини?"

Это заставило меня хихикнуть.

И это заставило меня почувствовать себя глупо.

"Вообще-то, Роджер, я думаю, что пиво было бы просто великолепно", - сказала я.

И снова эта ухмылка.

"Готово", - сказал он, включил передачу, и мы выехали со стоянки.

Он включил радио, и я был в восторге, услышав версию Дела Шеннона "Runaway".

Я посмотрела на него с поднятой бровью (у меня генетически заложено, что я должна делать одну бровь), и он усмехнулся в ответ.

"Моя бабушка всегда говорила, что американская музыка пошла по наклонной с тех пор, как Дион и Бельмонты распались", - сказал он, - "и я склонен с ней согласиться".

Я откинулся назад, чтобы послушать радио и поразмышлять о прошедшем дне.

Я удивилась, когда он заехал на парковку небольшого местного бара недалеко от моего дома. Я действительно бывал в этом месте несколько раз за эти годы.

Я улыбнулась и сказала: "Я удивлена, дорогой. Я думала, что ты из тех, кто любит шумные группы".

Снова эта ухмылка.

"Для меня - возможно, но эта поездка для вас, миссис Морган", - сказал он.

"О, милый, - сказала я, слегка хихикая, - я разрешаю тебе купить мне пиво, пожалуйста, зови меня Торри".

Он открыл свою дверь и буквально обежал машину, чтобы открыть мою, и я, конечно, оценила эту маленькую любезность.

"Хорошо, Торри", - сказал он с улыбкой на этот раз, а не с ухмылкой, которой он так часто сверкал.

Я взяла его руку, чувствуя себя слишком нарядной в своем длинном платье и норке, хотя я не знаю, почему, поскольку он был в арендованном смокинге. Мне было приятно держаться за такого сильного мужчину и войти в темный, тихий бар.

Он взял мое пальто и держал меня за руку, пока я скользила по кабинке, а потом пошел к бару. Он вернулся с двумя кружками и кувшином пива.

Я не могла удержаться, но слегка хихикнула и сказала: "Ты пытаешься напоить меня,

дорогой?".

Он посмотрел на меня долгую секунду и очень серьезно сказал: "Нет, Торри. Я пытаюсь помочь тебе расслабиться после явно неудачного дня".

Я улыбнулась и коснулась его руки, прежде чем сделать длинный глоток пива.

"Ты милый дорогой, - сказала я, - и проникательный".

Снова раздался смех.

"О, Торри, - сказал он, - спасибо, но это было довольно очевидно. И мне жаль Честера. Он мне всегда нравился. Но в нашей семье были случаи болезни Альцгеймера, и я понимаю, как это было для вас".

Я была удивлена тем, как быстро начались слезы.

"Правда, дорогая?" спросила я, "правда?"

Я сделала глубокий вдох и взяла себя в руки. Затем я открыла сумочку и начала рыться в ней в поисках мелочи.

"Что ты делаешь?" - спросил он.

"Ищу мелочь для музыкального автомата", - ответила я.

Он засмеялся. Потом он полез в бумажник и протянул мне десятидолларовую купюру. Затем он встал и снова протянул руку.

"Больше никакой мелочи, Торри. Очевидно, ты давно не играла в музыкальном автомате", - сказал он. "Давай".

Я чувствовала себя глупо, но взяла его за руку и пошла с ним к музыкальному автомату, неоновому, светодиодному, с крошечным телевизионным экраном вместо кнопок. В тот момент, стоя там и пытаясь понять, как выбрать песню, я почувствовал, что мне уже 74 года. Было забавно стоять вот так, плечом к плечу. Но я быстро понял, что не узнал ни одного названия песни или имени исполнителя в списке.

"Ты выбираешь", - сказал я, повернулся и посмотрел на него, впервые за много лет чувствуя себя глупым и каким-то молодым.

Мы разговорились, и это было весело. Он много знал о многих вещах и был остроумен. Я часто смеялась, и он тоже. Было комфортно, и на несколько секунд время от времени я мог забыть, что между нами полвека.

Когда кувшин пива был допит, он встал и снова протянул руку. Я позволила ему помочь мне встать и вывести меня к его маленькой машине.

Думаю, мне не стоило удивляться, что он знал, где я живу, в конце концов, он был другом Бенджамина с тех пор, как они были детьми, и хотя я точно не помнила, я была уверена, что он бывал здесь раньше.

У дома он снова проделал процедуру обхода машины, а затем проводил меня до двери. Я открыла сумочку, чтобы достать ключи, и удивилась, когда он заглянул внутрь и взял мой

мобильный телефон. Я с любопытством наблюдала, как он набирает номер, а потом полез в карман, когда зазвонил его собственный телефон.

Он снова усмехнулся и сказал: "Теперь у меня есть твой номер. Я позвоню тебе".

Я не знала, что на это ответить.

Он смотрел, как я нащупываю ключи и открываю дверь. Я повернулась, чтобы пожелать ему спокойной ночи, не зная, чего ожидать. Я вообще не знала, чего хочу.

Но он решил эту проблему за меня. Он наклонился, очень целомудренно поцеловал меня в щеку и сказал: "Спокойной ночи, Торри. Я позвоню тебе".

Затем он повернулся и ушел. Я смотрела, как он заводит машину и уезжает, прежде чем войти внутрь.

Когда я вошла внутрь, я закрыла дверь и прислонилась к ней. Я осознавала, что выгляжу так, будто делаю то, что мне велел режиссер на съемочной площадке. Но мне было все равно. Это было правильное чувство. Ужасный день превратился в хороший, и я была эмоционально истощена.

Я также чувствовала давление в животе.

Я сняла норку и положила ее в шкаф.

Я пошла в спальню и начала раздеваться. Длинное полуприталенное платье отправилось на вешалку, а затем в пластиковый пакет. Мои серьги, ожерелье, браслет и часы легли на свои места. Я сняла туфли и аккуратно поставила их на полку для обуви. Бюстгальтер, колготки и трусики, в таком порядке, в корзину для белья.

Голая, я подошла к зеркалу в полный рост и посмотрелась в него, проводя инвентаризацию, как делала почти каждый вечер.

Мои волосы, приятного серого цвета с легким оттенком черного, были моей лучшей чертой, подумала я и погладила их, как часто делала. Мои глаза были ясными и голубыми, и я тоже считала это хорошей чертой. Нос был крупноват, уши немного великоваты, губы тонковаты. Но когда я смотрела на свое лицо, то видела только морщины. В свои 74 года я не должна была удивляться, но я все равно их ненавидела.

Затем я стала рассматривать свое тело. Плечи были в порядке, но я одна из тех женщин, которые потеряли все жировые клетки, когда наступила менопауза. Мои руки были почти тонкими, а кожа висела свободно там, где я потеряла жир и мышцы от локтя вверх. Мои суставы пальцев были немного великоваты, но артрит был под контролем.

Грудь, конечно, уменьшилась. Я никогда не отличалась большой грудью, но теперь они висели пустыми лоскутами, увенчанные маленькими розовыми сосками. Морщинки на верхушках всегда беспокоили меня, и я ненадолго приподнимала их и позволяла им опуститься.

Мой живот разделял проблему моих рук. После исчезновения жировых клеток кожа стала мягкой и морщинистой. Бедренные кости резко выделялись. Мои половые органы, ладно, моя киска, как бы болтались. Там, где у меня когда-то были очень полные половые губы, отсутствующие жировые клетки оставили меня, в общем, вялой.

Мои бедные худые ноги. До 60 лет я занималась бегом и имела хорошие ноги. Теперь они были тощими, а колени, самая большая часть ног, казались бугристыми. Мои ноги, которые всегда были большими, на самом деле были неплохими с длинными пальцами. Но ороговевшие ногти и мозоли (то, что моя мать всегда называла бурсит) были просто уродливыми.

А тут еще я. Я криво улыбнулась и забралась в постель, как всегда голая.

Давление все еще сохранялось, и я знал, что мне придется помастурбировать, чтобы уснуть. Я перевернулся на спину и потянулся к ящику тумбочки, чтобы найти свечу, которую держал там. За эти месяцы она приняла форму моего тела. Когда я потянулась вниз, чтобы дотронуться, я ничуть не удивилась, обнаружив, что я не только мокрая, но и скользкая от моей потребности. Я поднесла кончик пальца к губам, виновато оглядываясь по сторонам, как делала всегда, и попробовала свой нектар, соленый и немного маслянистый. Мой запах, насыщенный феромонами, еще больше усилил давление в животе.

Как всегда, мое дыхание перехватило от давления, когда я просунула свечу внутрь себя. Я вздрогнула, как всегда, а затем начала медленный ритм, который должен был принести мне необходимую разрядку. Но разрядка не наступала. Давление нарастало, это покалывание, которое началось на развилке моих ног и распространялось, заставляя мои соски твердеть, а кожу покрываться мурашками, заставляя мои губы пощипывать, а язык - распухать, заставляя мои пальцы загибаться. Это было там. И оно нарастало. Но всплеск чистого экстаза, внезапный прилив абсолютного удовольствия не наступал.

Я ускорила ритм. Свеча стала быстро входить и выходить. Но разрядка все еще не наступала. Я устала, начала задыхаться, моя рука устала. Я напрягалась, толкалась, начиная отчаянно искать разрядку, в которой нуждалась.

Мои глаза были закрыты. Я могла видеть эту ухмылку. И эту улыбку. И вдруг я выкрикнула его имя.

"РОГЕР!!!"

И я кончила. Это было тяжело и хорошо, и я рухнула обратно на подушку, обессиленная. Я едва успела убрать свечу обратно в ящик, как сон завладел мной.

Я спала глубоко и чувствовала себя удовлетворенной и довольной.

<http://erolate.com/book/1571/48343>